

Руслан Белов

Любовь зла

Руслан Альбертович Белов
Любовь зла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152693

Руслан Белов

Любовь зла

* * *

В Домодедово я взял такси и поехал в офис. Шофер был колоритный оживленный кавказец лет пятидесяти, чем-то похожий на Хаджи-Мурата из одноименного фильма. Звали его Рома. Узнав, что я работаю в области экологического мониторинга и везу из Бугульмы пробы воды и грунта, он тут же рассказал о последствиях перекрытия Кара-Богаз-Гола, озоновых дырах и обстановке на комбинате "Маяк".

Говорил Рома на кавказско-среднеазиатском жаргоне. Когда я стал отвечать на нем же, он моментально признал меня за своего, и спросил, откуда я родом и все такое. Рассказав, что долгое время проработал в горах Средней Азии и на Кавказе, я поинтересовался его национальностью и семейным положением. Он сказал, что имеет три диплома, трижды был женат и имеет трех сыновей, двух хороших и одного так себе, "без масла в голове".

– А сейчас холост?

– Да уже семь лет. И больше жениться не буду, хоть крести.

– Что так?

Посмотрев на меня, он, видимо, понял, что везет человека схожей судьбы. И стал рассказывать, может быть, самому себе рассказывать о жизненном своем пункте, сделавшем его таким, какой он сейчас есть:

– Когда в Москву переехал, познакомился с русской, на семь лет младше. Такая красавица. Женей звали. Хорошая женщина, совсем полюбил. Дочка тоже хорошая, в десятом классе, как родная стала. Пожили немножко, и потом Женя интересоваться стала, не собираюсь ли я к ней совсем переехать. Я сказал, что с удовольствием перееду, но очень не хочу получить маленьких таких симпатичных рожек, потому что я гордый кавказец из уважаемого рода, а на Кавказе к рогам очень хорошо относятся, но только к тем, в которых не позор, а хорошее вино.

– А почему ты думаешь, что я тебе изменять буду? – удивилась. – Ты ведь мужчина хоть куда, красавец, да и зарабатываешь хорошо?

– У тебя такое... такое красивое лицо... – я не сказал, что в ее лице было что-то такое, сказать по-русски не могу...

– Порочное, что ли?

– Зачем порочное! С такой бы я не лег. Но что-то было. Тогда было. А сейчас ты прав...

– Так что случилось?

– Три года нормально прожили, или я просто не видел. Потом стал замечать, что глаза другими стали. Что-то такое в них было, что мимо меня смотрело. Как будто дожидалась,

когда меня не будет, когда по делам уйду. Ты меня извини, но я даже племянника попросил за ней последить месяц-два, так рога не хотел иметь. Стыдно было пацану говорить, зачем это надо, и сказал, что нехороший человек, маньяк, за ней давно ходит, чтобы мне отомстить. Мне самому боится в глаза посмотреть, как побитый пес, и жену поэтому хочет зарезать. Племянник, Рамазан его зовут, в юридической академии учится, три месяца за ней совсем как Шерлок Холмс ходил, в подъезде под лестницей стоял, бинокль смотрел, но ничего не увидел, даже когда я в командировке был. А у нее глаза все такие же, еще хуже даже. Тогда племянник мобильник специальный мне дал, чтобы в квартире спрятал, и слушал, когда разговаривать будут. Я слушал, весь красный от совести, но только с дочкой она говорила и с Лизой, соседкой. И часто о том, какой я хороший мужчина, и как она меня любит...

– Понятно... – сочувственно покачал я головой. – Женщины быстро находят языком родственные места...

– Ничего не понятно! – прервал он меня возбужденно. Соседи у меня хорошие, я всех знаю, меня все знают, в гости друг другу ходим, на дни рождения собираемся, арбузы-дыни делим. И Лизу хорошо знаю, она беженка из Чечни, в Грозном полгода в подвале просидела с двумя детьми. Двадцать семь ей, а на вид лет сорок. Мужа на глазах убили, до сих пор мужчин боится. Потом я к ней хотел уйти, но она не захотела, сказала, что это я назло Жене придумал...

– Бабы – это бабы...

– Да слушай ты! Я ж своими глазами все потом видел! И до сих пор вижу! Летом, после того, как дочку ее в институт хороший устроил – четыре тысячи долларов заплатил! – уехал в Петербург, в командировку, но по дороге машина сломалась, и днем вернулся. Дверь открыл, и слышу – в спальне она стонет:

– Еще, Мурат, еще!

Ноги мои стали как мокрая глина, глаза бельмами покрылись как у столетнего старика. Еле-еле подошел к двери спальни, открыл и увидел свою Женю. Она, совсем голая, стояла на четвереньках. На полу. На ней был Мурат. Они меня не видели и не слышали, даже Мурат. Он, выпучив глаза, осатанело ее надраивал, она стонала от счастья...

Мы помолчали.

– Знаешь, супружеская измена – это такое дело, – сказал я, когда Рома посмотрел на меня веселыми глазами, заметно помутившимися от жизни, посмотрел, желая услышать мнение. – Обычное дело и у нас, и, думаю, у вас, на Кавказе. У меня, по крайней мере, две пары рогов в коллекции. Одну приобрел в отместку, другую – от длительного отсутствия, я ведь геологом был. И ничего, шея не болит. И вообще, я думаю, что они есть у каждого женатого мужчины. А Мурат, что, другом был?

– Да. Я привез его с Кавказа. Он – собака.

– Согласен, что собака...

– Ты не понял, он настоящая собака. Гав-гав-гав и писка красная, знаешь? Я разве не говорил, что у меня была собака, большая кавказская овчарка?

Я выругался, воочию вообразив вышеописанную сцену в существенно отредактированную очевидцем виде, и протянул:

– Дела... Ничего подобного не слышал.

– И эта б-дская собака сразу же нашла мобильник Рамазана, – засмеялся Роман довольно. – Вот сука!

* * *

Когда подъезжали к офису, ему позвонили.

– Вот, на шашлык друзья приглашают, поедешь? – спрятав телефон, спросил он, как будто знал меня десяток лет.

Подумав, я согласился. Шашлык на природе в середине дня – разве от этого откажешься?

* * *

25.12.2006

От автора

Я написал эту короткую вещь на следующий день после знакомства с Ромой. Все в истории правда, может быть, кроме того, что я согласился ехать на шашлыки – дела, работа не

отпустили, да и ночь не спал. И взялся ее писать, зараженный мыслью присовокупить к ней много большее по размерам (и не только по ним) произведение Сони Л., с которой я лет пять назад электронным образом переписывался и даже посылал на рецензию один из своих романов. Ныне ее адрес изменился, но я думаю (хоть мы и рассорились по пустякам), она легко простит меня за опубликование ее детища, несомненно, искреннего (и талантливое) без соответствующего разрешения. Думаю, простит и за то, что я не присовокупил (присовокупил) полного ее имени. Итак:

Соня Л.
Сказка о собаке
или
Сон о любви

1

Галина Борисовна была моим ангелом хранителем. Она напоминала фею-крестную из сказки о Золушке. И своим милостивым лицом с бело-розовой, словно фарфоровой, кожей, и веселыми, трепещущими кудряшками, и лукавыми пронзительно мудрыми светлыми глазами, и розовыми губами бантиком, которые охотно раздвигались в широкую заразительную улыбку, создавая очаровательные ямочки на щеках. Она была полноватой, но только чуть-чуть, слегка. Ее воздушное стремительное тело было столь подвижным, что казалось, она не способна спокойно стоять на месте. Ее кажущееся легкомыслие происходило только от огромной жизнерадостности и оптимизма и капельку от невинной игры в простушку. Галина Борисовна говорила, что слишком серьезные люди, особенно заумные женщины, вызывают недоверие, и ей не хочется тратить свое время и силы, пытаясь ко-

му-то внушить доверие. Ее все называли Галочкой, по имени отчеству звали только недруги да младшие сотрудники вроде меня.

Галина Борисовна совершенно не страдала легкомыслием, напротив была трезва и рациональна, я полагаю, ее уму и организации мышления мог бы позавидовать любой мужчина семи пядей во лбу, но временами она принимала решение, что пора бы развеяться, и резвилась как девчонка-школьница.

Мы пили чай, я слушала Галину Борисовну и молчала. Бравурные интонации в ее речи, дали мне понять, что она озабочена моим состоянием и размышляет, что могло случиться. "Сонечка, что-то вы совсем упали духом. Не грустите, все образуется". Сонечка – это я. И я грустила. Впрочем, грусть – не то слово, чтобы определить мое состояние. Я была раздавлена. Так и сказала Галине Борисовне, у нас были не те отношения, чтобы я отделалась вежливым: "Все в порядке".

– Расскажите мне, что случилось?

Хотя Галина Борисовна была старше меня лет на восемь, мне казалось, что мы ровесницы, во всяком случае, она была моей лучшей подругой. Общаясь, мы называли друг друга на "вы", я обращалась к ней по имени отчеству, она называла меня по имени, но форма не меняла близких, очень теплых и доверительных отношений.

Мы жили и работали на разных концах Москвы и не часто

виделись, но регулярно созванивались по телефону. У меня случилась любовь, конечно же, в свое время, я поделилась своим счастьем, но чем все закончилось, она пока не знала.

– Он ушел от меня. Я забеременела, и он ушел. Мы бы все равно расстались. Меня было для него слишком много, это мое нетерпение сердца. Я задушила его любовью. Я знаю, он поступил непорядочно, но, по крайней мере, честно, – он не хотел, чтобы я оставляла ребенка, – и я все равно люблю его. Только это еще не все. Я потеряла ребенка.

– Ах! – Галина Борисовна замолчала и опустила глаза.

Мне стало не уютно, и показалось, что не должна была открывать столь личные проблемы. У нас был принят стиль очень легкого, шуточного общения, и даже самое трудное мы всегда рассказывали с юмором. И еще ни разу мы не сбивались с принятого тона. Горе лишило меня юмора и гибкости, но я могла довериться Галине Борисовне, когда она, наконец, посмотрела на меня, в ее взгляде была печаль, и мне стало стыдно за свои мысли.

– Соня, я пыталась придумать, что можно сказать. Любые слова слишком банальны. Я очень сочувствую вам, потеря ребенка всегда тяжела для любой женщины, и я не верю, что смогу вас утешить, но я могу разделить ваше горе. Оставайтесь у меня, будем горевать вместе. В том, что касается вашего друга, то он поступил вполне по-мужски, почти каждый мужчина до определенного возраста не в состоянии оценить такой дар и нести за этот дар ответственность. Это, прак-

тически никак его не характеризует, просто он не созрел, и здесь я могу вам помочь.

Я улыбнулась, услышав решительные нотки в ее голосе. Так сложилось, что она могла себе позволить менторский тон в отношении меня, я же обладала правом сослагательно-го наклонения.

– Спасибо, Галина Борисовна, большое спасибо, но мне лучше будет дома. У меня временами так болит вот здесь, – я постучала себе в середину груди, – что я становлюсь безумной. Я сплю с этаминалом натрия, а с утра принимаю ме-пробомат. И все равно истекаю слезами, и говорю, говорю с ним, говорю. Это как бред. Я не могу остановиться. Я не хочу обременять вас плачущим и бредящим привидением. Я поговорила с вами, и мне уже легче.

Я выживу, я что-нибудь придумаю.

– И что же вы придумаете? – Она склонила голову набок как птица и посмотрела на меня одним глазом. Если бы я была в нормальном состоянии, мне стало бы страшно, так пронзителен был ее взгляд, но я только нервно хихикнула.

– Я решила купить себе собаку и уже дала объявление.

– Ну-ну. – Она склонила голову на другой бок и посмотрела другим глазом.

2

Через два дня в дверь моей квартиры позвонили. Я открыла и увидела перед собой Галину Борисовну. На поводке она держала огромную собаку породы водолаз.

– Сонечка, если не ошибаюсь, вы хотели собаку-подростка, и эта порода была в списке перечисленных вами. Его зовут Лео. Ему чуть больше года. Он чистоплотен и очень умен. Есть недостатки в дрессировке – не очень послушен, но, в общем, характер неплохой. Мы будем стоять на пороге? – Она улыбнулась левой стороной рта, правая оставалась серьезной.

Я остолбенела от неожиданности и стояла в дверях с открытым ртом, услышав последние слова, просто посторонилась, позволив им войти. Галина Борисовна щебетала, не упоминая нашу недавнюю встречу. Не думаю, что она обиделась на мой отказ принять ее помощь, но уверена – беспокоилась обо мне. И вот, в присущей только ей манере, появилась с собакой. Где она ее взяла?

Наконец я оправилась от удивления.

– Ради Бога, конечно, проходите, я ужасно рада, просто это так неожиданно, с собакой. У меня заканчивается отпуск за свой счет, а собаки, которых мне предлагали, не подходили, то слишком молоды, то порода не та. Где же вы его взяли?

– Повезло, невероятно повезло. Мои знакомые сегодня

уезжают работать по контракту на длительный срок, а собаку девать некуда, родственники брать не захотели. Они позвонили вчера, чтобы попрощаться, и пожаловались между делом. Подозреваю, надеялись, что я его пригрею. Так вот, Сонечка, даже если он не подходит, деваться вам не куда. Я с животными плохо уживаюсь, а, может, они со мной. Берите, дарю. – Все это было произнесено с такой экспрессией и торжественностью, что я невольно рассмеялась. Галина Борисовна как будто объявляла смертельный номер на арене цирка.

Мы пили чай, а пес понуро сидел у входной двери.

Грустит, – с не понятной мне ехидцей прокомментировала Галина Борисовна.

– А он не убежит? – Мне было жаль пса.

– Он – умный. Вернется. – Все с той же неизъяснимой интонацией заверила меня она.

– Сонечка, вы не собираетесь встречаться со своим любезным другом?

– Нет.

– Э...Ведь проблемы ребенка теперь не существует. Не можете простить?

– Не в этом дело. Я его простила и отпустила. Кроме того, не известно, захочет ли он вернуться, и не знаю, хочу ли я этого. Теперь все очень не просто было бы. Я не смогу верить. Ему придется постоянно помнить об этом и доказывать мне, что он вновь не предаст меня. Вряд ли он станет это

делать, не думаю, что так велика его любовь ко мне. Да и я не хочу постоянно жить в роли инквизитора.

– Позволю себе заметить, Сонечка, но эта история – история вашей гордости и глупости. Нельзя быть независимой от любимого человека. Вы можете не зависеть от нелюбимого. И глупо стараться убедить любимого в своей независимости. Это – попытка заставить думать, что вы не любите, населяете его сердце и душу невнятными страхами, от которых хочется избавиться, по чистой случайности, вместе с вами. В одном вы, вероятно, правы: роль инквизитора – весьма утомительна, если нет к тому призвания. У вас есть время подумать, вы – свободная женщина. И теперь у вас есть собака, а на безрыбье и рак – рыба.

Так у меня появился Лео.

3

Нам не хватило двух дней, чтобы подружиться. Это было несколько странно.

Несомненно, пес тосковал по своим хозяевам, но ничто не мешало ему быть дружелюбным по отношению ко мне. Он не пытался сбежать от меня на улице, но когда я его гладила, как будто вжимал голову в плечи. Ни разу не пошевелил хвостом. Когда он пил или ел, то закрывал собой миску так, чтобы я не видела, как он это делает. И это мне показалось более странным, чем, если бы он отказался от еды. И смотрел он на меня оловянными глазами.

Я собак и их повадки знаю с детства. У нас в доме, пока я жила с родителями, всегда была собака, иногда их было две, а временами задерживались щенки-подростки. Говорят, глаза – зеркало души человека. Я же считаю, что это более верно в отношении собак. Человек выстраивает мимику лица, создает впечатление и отвлекает внимание речью, в конце концов, прикроет взгляд ресницами. Собаки говорят глазами, и все чувства видны в их глазах яснее ясного. Такого взгляда как у Лео раньше мне видеть не приходилось.

Мой отпуск закончился. На третий день с утра я поехала на работу и взяла с собой Лео. С ним удобнее было ехать наземным транспортом. Впрочем, наступила весна, пригревало солнышко, цвели плодовые деревья, в воздухе стоял запах

подсыхающей земли. Спускаться под землю в метро я бы не стала в любом случае. В разное время года, кроме зимы, мне больше нравится ехать поверху, хотя и получается дольше. Я работала мастером озеленения в городском лесопарковом хозяйстве. Мне нужно было на участок в Боткинской больнице. Добираться было удобно, без пересадок, и мы вскочили в нужный троллейбус.

Мы ехали как чужие, нас соединял только поводок. Возле метро Сокол в машину набилось много народа.

Я задвинула Лео в угол возле задней двери и заслонила его собой, чтобы ему не отдавили лапы. Потом народ рассосался, потом опять набился в салон возле метро Аэропорт. А когда мы подъехали к остановке напротив метро Динамо, и люди стали выходить, Лео вдруг рванулся. Чуть не сбив меня с ног, он выскочил из троллейбуса. Поводок выскользнул у меня из рук, водитель уже тронул машину, и я едва успела выпрыгнуть на остановку.

По пешеходному переходу Лео мчался через Ленинградский проспект. Я бросилась следом, но загорелся зеленый свет, пошел поток машин от центра, и я застряла на середине проспекта, а Лео скрылся в Петровском парке.

Последний год я была счастлива и несчастна одновременно. Целый год полон был для меня и радостью, и мукой. Я любила, безумно любила, первый раз в жизни. Это не было нечто еле теплое и вялое, медленно умирающее. Это было искристое, огненное, яркое и очень болезненное чувство без взаимности. Именно отсутствие взаимности было едва терпимой мукой.

Я прикипела к нему всей душой в самую первую встречу. Мне не хотелось с ним расставаться, когда нас еще, казалось бы, ничто не связывало и ничто не обещало столь бурного будущего. Тогда я еще не понимала своих чувств и желаний. Последнее даже послужило поводом для курьеза, случившегося в одну из следующих встреч.

Он затащил меня в постель. Если до конца быть честной, ему почти не пришлось соблазнять меня – воздух горел между нами. Но я была страшно возмущена столь скоропалительной реализацией наших высоких чувств.

Я не шучу, не иронизирую и, думаю, не преувеличиваю, говоря о высоких чувствах. Едва встретившись, мы понимали друг друга без слов, с полу взгляда, с полу вздоха, не касаясь, и, временами, даже не видя один другого.

Моя школьная подруга хотела похвастаться своим запасным поклонником и привела меня к нему в гости. Она бы-

ла расстроена и рассержена, что на нее никто не обращает внимания. А мы, действительно, настолько были поглощены волшебством, окутавшим нас, что совершенно забыли о ней. Мы словно оказались в плену паутины спеленавшей нас вместе невидимой нитью. Должно быть, я ошибалась, и для него это не было пеленой высоких чувств, а было медовым сном неутолимой страсти. Возможно, я ошибаюсь дважды, и он разделял мои чувства, но ему был непосилен накал моих страстей.

Он оказался восхитительным любовником, но, уходя от него утром, я отвернулась от тянувшихся ко мне губ и рук и сказала: "Пожалуйста, без фамильярности". Не смотря на печальную ситуацию, много бы отдала, чтобы еще раз увидеть его лицо в этот момент. Хорошо хотя бы не сказала, что проведенная вместе ночь – не повод для знакомства. К сожалению, тогда я была совершенно серьезна. Я повторяю, к сожалению, потому что, не вняв его просьбе, уехала на два месяца в археологическую экспедицию, и позже было безумно жаль потерянного времени. Мы смеялись, вспоминая эту ситуацию, но как же мне было грустно.

Потом медовый сон закончился.

У моего любимого начались приступы черной хандры, а я, чтобы хоть ненадолго преодолеть возникшее отчуждение, раз за разом пыталась заманить его в ловушку страсти. И у меня получалось, но заканчивалась ночь, вновь наваливалось отчуждение. Мне каждый раз казалось, что я вижу его

в последний раз. Мне хотелось вцепиться в дверной косяк, чтобы он не мог закрыть за мной дверь.

Может быть, я так и делала, все, происшедшее тогда с нами, осталось в тумане непрерывной боли. Помню хорошо только, как однажды, он запретил мне приходить, и я весь вечер простояла, прижавшись спиной к стене дома на другой стороне улицы, напротив его окон. Не знаю, зачем я это делала. Все мое существо рвалось к нему, вот он, близко, рядом. Я видела, как он на кухне у плиты варит кофе. Его окно было довольно далеко от меня, но я знала каждое его движение, знала, что именно он делает. Потом он вернулся в комнату, опустился на диван, и появилась мысль, что он не один, с ним другая. Мне стало совсем плохо, нахлынули темнота и дурнота. Я села на корточки и опустила голову между колен, пытаюсь ровно дышать, чтобы не потерять сознание. Столь черной ревности я не испытывала никогда в жизни. Потом хватило сил уйти. Что было дальше, не помню.

В одну из ночей-ловушек я забеременела. Сначала я обрадовалась, – его не будет, но останется ребенок. А потом поймала себя на мысли, что надеюсь, быть может, он останется ради ребенка, и испугалась. И затаилась, но долго не выдержала, снова пришла к нему. Он догадался обо всем сам. Я не запиралась. И он хотел, чтобы я избавилась от ребенка, сказал, что не может оставить меня с ребенком одну и не может со мной остаться. Он плакал.

Я ушла. Потом он звонил, но у меня не было сомнений,

как я поступлю, и не захотела с ним говорить.

Были расставлены все точки.

Мы больше не виделись. Душа моя кровоточила. Тело мое томилось, я помнила его каждым миллиметром своей кожи. Я знаю, что и ему было не сладко, но его страдания не могли меня утешить. Наоборот, от этой мысли становилось еще хуже, появлялась иллюзия, что мы можем утешить друг друга, и все будет хорошо. Но это было невозможно, я думала, что нельзя уже возродить, то волшебство, что было между нами.

Я потеряла ребенка почти шесть месяцев спустя. До этого момента казалось, что уже не может быть хуже.

Я ошибалась.

5

Когда я, запыхавшись, ворвалась в парк, Лео нигде не было видно. На фоне непросохшей весенней грязи с редкими островками нежной зелени углядеть собаку с черной шкурой было не легко, и я решила прочесать парк и поспрашивать людей.

Петровский парк находится рядом с домом моего любимого. В пылу погони за Лео я не сразу об этом вспомнила. А когда поняла, где я нахожусь, то повела себя как занимающийся похуданием человек, который тянется к сладкому и бьет себя по рукам.

Я побрела как сомнамбула, меня тянуло к его дому как магнитом. Ведя внутренний монолог, я не понимала, что делаю. Непреодолимое желание увидеть любимого вело меня к местам, которые были так хорошо мне знакомы.

Еще не было восьми, я знаю, в это время он идет на работу. "Увидеть хоть одним глазком". "Я оказалась здесь случайно, так почему бы и нет". Но дрожали колени, я не могла больше сделать ни шага в сторону его дома. Появилось ощущение, что, если я его увижу, случится что-то ужасное, непоправимое, и я не смогу больше жить. Победил инстинкт самосохранения.

Я очнулась и заплакала от облегчения и нахлынувшей с новой силой боли, но у меня было чувство человека, выздо-

равливающего от тяжелой болезни.

Я вспомнила о Лео. Оглянулась по сторонам и махнула рукой – насильно мил не будешь. Позвоню Галине Борисовне, предупредим соседей его хозяев и что-нибудь придумаем.

Невидимая рука, крепко державшая меня так долго, разжалась. Сразу легче стало дышать, все проблемы сделались незначительными. Я развернулась и, все еще плача, поспешила на работу.

На выходе из парка я услышала, что сзади кто-то шлепает по грязи, сама я выбирала островки жухлой прошлогодней травы и старательно обходила лужи. Я обернулась. Следом за мной трусил по лужам Лео. Я так обрадовалась, что обхватила грязную мокрую собаку за шею и заплакала еще пуще.

– Все Лео, я – спасена, я выздоравливаю, теперь мы будем жить хорошо. – Я заглянула псу в глаза. Взгляд его перестал быть оловянным, теперь в нем были печаль, доброжелательность и мудрое понимание.

Я знаю, что случилось в Петровском парке со мной, но что случилось с Лео, какой рубеж он перешел, тогда осталось для меня загадкой.

6

Две ночи, что Лео провел в моем доме перед побегом, я выпивала этаминал натрия еще не ложась спать, полтаблетки вместо четверти, чтобы не пугать собаку своими ночными рыданиями и воплями, и проваливалась в черный сон без сновидений.

После случая в парке больше не было нужды в снотворном, началось выздоровление. Сны не щадили меня еще долгое время, но теперь, если я начинала метаться во сне или плакать, Лео будил меня своим шершавым языком. Ложился рядом на одеяло, я приваливалась к его теплому боку, и в эту ночь мои недобрые сны больше не тревожили меня.

Не могу сказать, что мы превратились в заправских сельчаков, у каждого из нас было одно и то же горе – нас отвергли, но мы стали бодрее и общительнее, и жизнь потихоньку налаживалась.

Ко мне стали приходиться гости, появились новые друзья, вернулись друзья старые.

Я избегала близких отношений с мужчинами, но истинные поклонники и терпеливые охотники не переводились.

Лео относился к мужикам терпеливо, и, надо сказать, у нас совпадали вкусы, те, что больше других нравились Лео, мне тоже были более симпатичны. Если кто-то со мной нежничал, Лео не проявлял недовольствия, уходил в другую

комнату, но, если кто-то становился чрезмерно назойливым или агрессивным, пес тут же появлялся и показывал свои огромные клыки, с этим никто спорить не пытался.

Женщин Лео любил, заигрывал с ними и смущал непристойными шутками, например, забирался мокрым носом в вырез декольте.

Мою любимую подругу, Лику, он сделал основной мишенью своих шуточек и доводил ее до слез. Она перестала приезжать к нам в дни месячных, хотя долгие годы до появления Лео не пропускала ни одного уик-энда. Со мной Лео в той же ситуации был деликатен, не подсматривал и не вынюхивал. Почему Лео выбрал Лику, знал только он сам.

Гулять Лео ходил охотно со всеми, в этом возникала необходимость, ведь мне нужно было поить и кормить гостей, а они приходили каждый день. Однажды я приболела, сильно простудилась. Лучший друг Лео, Андрей-длинный (был еще Андрей-маленький), большой специалист по электронике, снабдил дверь квартиры специальной системой, чтобы Лео мог сам выходить и входить в квартиру. Лео стал совсем самостоятельным, временами даже отказывался ездить со мной на работу, выпихивал меня носом за дверь, и я оставляла его дома одного.

Пару раз мы с Лео сходили на собачью площадку. Инструктор оказался неприятливым, сказал, что в присутствии Лео другие собаки не могут работать. Действительно, собаки шархались от Лео как от привидения, суки его не

привечали, как, впрочем, и он их, кобели не устраивали с ним свар. Пришлось собачью площадку обходить стороной.

Вот так мы и жили.

В сентябре я взяла законный отпуск. Мы с Ликой и Лео собирались ехать на юг, к морю. Я заказала купе в спальном вагоне, чтобы не было претензий по поводу собаки. Но у Лики что-то не сложилось на работе, она поехать не смогла.

И вот, мы с Лео вдвоем ехали на юг. Я не стала сдавать Ликин билет, конечно, пришлось приплатить проводнице, чтобы она никого не подселила, зато купе осталось в нашем распоряжении, а проводница почти полюбила Лео.

У кого есть собака, те знают, какой это благодарный слушатель. Можно рассказать абсолютно все, не таясь, не пытаюсь выглядеть лучше, не маскируя оправданиями истинные мотивы своих поступков. Понимание и преданность в глазах собаки утешает и успокаивает раненную душу.

Рассказывая о своем любимом, я почти всегда начинала плакать. Тогда Лео подходил, клал голову мне на колени или начинал слизывать слезы с моих щек.

Поездка на юг навела меня на грустные мысли. Прошлым летом у нас с любимым путешествие к морю не получилось, в перерывах между постелью и постелью мы не успевали доехать до вокзала, чтобы купить билеты, а потом... "Потом" у нас не было.

У меня опять неудержимо полились слезы. Лео сидел передо мной и с печалью во взоре смотрел на меня. Мне поче-

му-то стало еще хуже, и я пролепетала сквозь слезы: "Лео, ты – мой самый любимый пес, но лучше бы вместо тебя был он".

Случившееся дальше, было настолько неожиданным, что у меня мгновенно высохли слезы, и я почувствовала себя виноватой. Если бы у меня было все в порядке с головой, я могла бы менее серьезно отнестись к ситуации, но, надо сказать, Лео тоже повел себя не совсем по-собачьи.

Услышав мои слова, он отпрянул от меня, завертелся по купе, стараясь не встречаться со мной взглядом. Сначала забрался под диванчик, однако, через пару минут выбрался, решительно потеснил меня, уселся у окна и уставился на проносящиеся мимо пейзажи.

Это произошло в полдень. Наступили вечерние сумерки, недвижимый, как каменное изваяние, Лео оставался у окна. Я несколько раз пыталась расшевелить его, но он косил на меня глазом и рокотал нутром, показывая клыки. Не думаю, что он мог укусить меня, но проверять я не собиралась.

Я не стала зажигать свет, и мы сидели в темноте, Лео превратился в глыбу мрака.

Наконец я сказала скорее для себя, чем для собаки:

– Лео, когда-то ты сбежал от меня, мы не были еще друзьями, но я простила тебя и приняла обратно, хотя у меня не было уверенности, что это больше не повторится. Прости и ты меня, ведь мы с тобой – друзья. Ты ведь знаешь, мое недавнее прошлое все еще властно надо мной. На самом деле, я не хотела от тебя избавляться. И обещаю тебе, что я

постараюсь перестать жалеть себя, и буду жить сегодняшним днем.

Я легонько хлопнула пса по спине. Он слушал меня, не шелохнувшись, но мое прикосновение словно вывело его из ступора. Он повернулся ко мне и прижался всем телом, его трясло мелкой дрожью.

К вечеру следующего дня мы вышли на розовую от последних лучей солнца стационарную площадь почти на самом берегу моря. Хотя этот пятачок, разделенный пополам приморским шоссе, трудно было назвать площадью, местные жители считали именно так. Я привыкла к этому, побывав здесь дважды в прежние времена.

Прямо там же, на площади, я нашла тетку, которая сдавала времянку на одну койку. Она не возражала, чтобы была собака, оказалось, что мазанка окружена палисадником с забором.

Домик, скорее сарайчик, оказался крошечным, примерно два метра на два с половиной. Малюсенькое окошко – напротив двери, под ним стол чуть больше шахматной доски, справа кровать, слева от окна – пустой угол, слева от двери – эмалированный тазик на табурете, гвозди в свободной стене, на гвоздях пара плечиков. Однако, все свеженькое и чистенькое. Зная немного местных жителей, я предположила, что после прежних квартирантов заново побелили стены, сменили на кровати тюфяк, набитый травой, просушили подушки, ну и конечно, положили свежее белье и одеяло. Стол и табурет, окна, двери и пол покрасят следующей весной, перед новым курортным сезоном.

Мне все понравилось, а хозяйка сказала, что у нее на лет-

ней кухне стоит холодильник, и я могу им пользоваться, ну и спрашивать, если еще чего-нибудь нужно. Я с разу же воспользовалась этим, попросив подстилку для собаки, и получила старое дранненькое, но чистое одеяло. Лео подстилка тоже устроила, и он примостился в свободном уголке у окна, пока я раскладывала вещи и обустривалась.

Мы еще успели сходить искупаться. Когда я входила в воду, солнце как раз собиралось исчезнуть за горизонтом. И море и небо были одинакового бронзового цвета, только море рябило тенями мелких волн, а небо подсвечивали золотистые росчерки облаков. Вот солнце подмигнуло в последний раз, и сразу же наступили фиолетовые сумерки. Только теперь я окончательно поняла, что мы приехали, что мы у моря.

Оказалось, что Лео очень любит купаться, я с трудом выманила его из воды. Наша хибарка была в пяти минутах от моря. Мы вернулись еще до наступления полной темноты. Перекусили, тем, что осталось из припасов, и легли спать.

Утром начиналась наша дикарская жизнь.

Я не придумывала специально распорядок, но так получилось, что дни наши протекали одинаково. Лео просыпался рано и будил меня. Мы шли к морю, быстро купались, там я просыпалась окончательно.

Потом я принимала душ и приводила себя в порядок, выливая пару ведер на Лео, что бы его шуба не слипалась от морской воды. После шли в кафешку у приморского шоссе, где мы завтракали, обедали и ужинали, добавляя к кафешному меню зелень, фрукты с рынка и обрезки мяса для Лео с кухни того же кафе. Опять возвращались к морю, купались и валялись на песке, оба в тенечке, поскольку я никогда не была любительницей жариться на солнце, а Лео с его шубой было жарко и в тени. Именно поэтому еще до наступления раскаленного полудня, мы уходили в наш домик и устраивали себе сиесту, почти до захода солнца. Я спала или читала. Лео просто маялся от жары и безделья. Перед закатом мы снова шли на пляж.

Через несколько дней я познакомилась с компанией из трех молодых мужчин и двух девушек, меня, видимо, приняли в качестве третьей девушки, но я все еще была не способна на тяжелый флирт, да и легкий флирт у меня получался неубедительно. Однако, компания не распалась, мы продолжали вместе проводить время.

На пляже по утрам играли в преферанс по маленькой, ну совсем по маленькой, проигравшему было не обидно поставить бутылочку вина за ужином. Ужин обычно затягивался почти до полуночи. Мы с удовольствием сидели на веранде нашего кафе, где можно было и потанцевать. Болтали, рассказывали анекдоты. Смотрели на машины, проезжающие по приморскому шоссе, на проходящие поезда с ярко освещенными окнами, на новых отдыхающих, сходящих с перрона на площадь. Иногда ходили купаться ночью, Лео ночные купания радовали безмерно.

Сергей – мужчина, оставшийся без пары, – продолжал ухаживать за мной, я не придавала этому значения, хотя, конечно, внимание было приятно. Он не был навязчивым, я чувствовала себя уютно, и Лео не нервничал.

Мы все оказались москвичами, и, не дожидаясь окончания отпуска, уже обменялись адресами и телефонами, собираясь продолжить знакомство и расписаться пули в Москве.

Отпуск подходил к концу. У меня оставалось три дня, а ребята уезжали на следующий день.

Перед отъездом, мы устроили отходную, в последний раз все вместе сидели на веранде кафе.

Сергей наклонился ко мне, чтобы его слышала только я.

– Соня, ты пережила, какое-то несчастье... – Я довольно резко прервала его.

– Сергей не надо, ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Но...

– Я пережила счастье, оно умерло, а я жива. Все, Сережа, это – все, что я могу тебе сказать.

– Я люблю тебя, выходи за меня замуж.

– Что, прямо вот так? – Спазм перехватил мне горло. Я с трудом вытолкнула из себя слова. – Не заставляй меня грубить.

– Но я тебя ничем не обидел, я...

– Ты не спросил меня, нужно ли мне что-нибудь, но сказал достаточно, чтобы иная простушка растаяла и скрепила твое предложение руки и сердца на песке пляжа, лежа на спине и раздвинув ноги, не дожидаясь, пока ты женишься.

– Ты хочешь обидеть меня и отвязаться. Но ведь мы еще встретимся в Москве. Я терпелив, подожду, пока тебе начнет не хватать общества нынешнего партнера. – Он похлопал Лео по макушке. Пес молниеносно схватил его руку. Я хотела уже вмешаться, но Сергей махнул мне свободной рукой и почесал Лео за ухом. – Не надо, пес, я хотел расшевелить твою хозяйку, а не рассердить тебя.

Лео отпустил его, а я нервно расхохоталась. Меня всю трясло, чтобы он не заметил этого, я вцепилось в ножку бокала. Мне нравился Сергей, он не обнаруживал неприятных недостатков и не был мне противен, и было обидно – во мне все молчало.

Это было полное бесчувствие. Нужно было что-то сказать, чтобы не заплакать и подавить подступающую истерику.

– Да, Лео – прекрасный партнер. Он предан мне, не слыш-

ком требователен. У нас честный обмен, каждый дает, что может, и принимает все с благодарностью.

– Но у тебя не будет детей, и близкого человека, который пройдет с тобой по жизни.

– Эй, мы в кино или где? – Мне опять хотелось и рассмеяться, и заплакать одновременно. – Много ли ты знаешь людей, что женаты в первый и последний раз. Даже в старшем поколении не каждый может похвалиться этим, что говорить о нашем. Так о чем ты? – Я вызывающе улыбнулась.

– Послушай! А может ты... ну, живешь с ним...

Повисла неловкая пауза. Когда я подняла на Сергея глаза, он вздрогнул и отшатнулся.

– Не бойся, я тебя не ударю. Я не думала, что мои слова звучат двусмысленно, но извиняться не буду, я это не имела в виду, это ты так подумал. В чем-то ты прав. Когда я болею, некому стакан воды подать, Лео мне приносит леечку.

– Но он умрет раньше тебя. – Сергей не злорадствовал, и произнес эти слова так тихо, что я едва услышала его.

– Да, ты прав, – я обняла Лео и заплакала, представив себе, что Лео может умереть, и подумала про себя: "Ну, мать, ты пьяна!", а вслух сказала, – но принимать тебя в качестве сиделки, чтобы кто-то воды подал, ты не думаешь, что это не честно по отношению к тебе.

– Я знаю, что ты меня не любишь, и знаю, что не полюбишь сразу, но со временем...

– Что ты знаешь, – я стукнула себя в грудь, – у меня здесь

пепел. Пока ты будешь возрождать это пепелище, мы возненавидим друг друга. И я не люблю быть калеккой, тем более при свидетелях. Извини, я не хотела тебя обидеть. Давай, будем просто играть в преферанс и безумствовать в танце.

Я старалась унять дрожь, я старалась казаться беззаботной.

– Давай. – Он улыбнулся, и я видела, чего стоила ему эта улыбка.

10

Я пришла с вечеринки уставшая от танцев non-stop, измученная убийственной жарой, духотой даже без малейшего намека на ветерок. Я пила мало, но чувствовала себя пьяной.

Оставив Лео во времянке, – у меня не было сил выманить его из воды, – я искупалась в море. Купание не принесло облегчения, вода была почти горячей. Я так и осталась хмельной, измотанной жарой, танцами и душевной болью.

Вернувшись после душа в нашу хибарку, стащила с себя купальник, бросила подушки к стене, и, как была мокрая, рухнула поперек кровати. Рухнула неудачно – стукнулась затылком о стену. Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, переждала тупую боль и расслабилась, ощутив ступнями прохладный бетонный пол.

Усталость давила. Тело было чужим и не послушным. Пока устраивалась, мне казалось, что я преодолеваю сопротивление воды. Так полу лежа я, наконец, задремала.

Я рассказываю все подробно из-за того, что случилось позже.

Мне приснился сладчайший сон.

* * *

Мой возлюбленный нежно целует мою шею, грудь, живот.

Разводит мои колени и пьет бережно страсть с розовых лепестков. Проникает неотвратимо и мощно в мое лоно.

И меня качает. Качает и возносит к вершинам волна страсти. Огненный шар разрастается и взрывается, как и боль в моей душе, и смывает всю горечь. Наполняет меня жидким огнем от макушки до лепестков, сжимающих то основание его копья, то округлое атласное навершие. Огонь растекается, пылая на моих щеках и груди, щекоча в животе, создавая внутри жаждущую пустоту.

Я вскрикиваю. Я прощаю его. Я люблю его. Я умираю от наслаждения как наяву. Наяву? Пытаюсь проснуться. О-о нет, не могу! Новый взрыв накрывает меня бархатной тьмой с яркими звездами. И я слышу во тьме ответный стон муки или наслаждения. Где я? Милый!

Я не слышу собственного голоса. Глаза не желают открываться. Истома и жара как клей. С трудом удастся разлепить веки. Вот же – я, в неверном свете фонаря за окном. Тела не чувствую, оно растаяло, но вижу: меж раскинутых бедер – нечто темное, темнее теней в комнате. И вдруг мое лоно отозвалось на последние пульсации, скользящее движение, взрыв сожаления – он покинул меня.

И я прозрела. О, Боже! Боже, это же – Лео.

Я зажала рот ладонью, отгалкивая его и бросаясь к тазику. Меня шатало, ноги не слушались, но я добралась до тастика вовремя. Бурно избавившись от ужина, я нашарила рукой дверь, открыла, и, не глядя, слабым голосом, почти шепотом,

крикнула: "Вон, убирайся вон"!

Я не видела, мои глаза были крепко зажмурены, я почувствовала, как он пронесся мимо, прочь, во влажный густой сумрак южной ночи. Запах сладкого тлена опавших лепестков казался мне ненавистным, хотя, с детства я его любила.

По-прежнему было невыносимо жарко, но меня трясло. Мне было зябко.

Я не могла даже смотреть в сторону кровати. Попив воды, обернулась в пикейное одеяло, села на стул к столу и попыталась понять, как это случилось.

Неужели я была так возбуждена, что возбудила, в свою очередь, Лео.

Что случилось с моими запахами, что случилось с ним? О чем он обычно думает, что произошло в его здоровенной, черной башке? Ведь он всегда был так деликатен. Неужели я спровоцировала его тем, что была неодета и лежала в удобной для совокупления позе? Поза совершенно не собачья. Черт, нужно было одеться и лечь по-человечески. Вот именно, по-человечески. Господи, куда я выгнала собаку, ведь я себя ненавидела в тот момент, а не его. Почему же я сама не ушла? Нам же послезавтра уезжать, нужно быстрее его найти.

Я оделась и вышла, решив по большой дуге обойти поселок, а вернуться по берегу моря.

Пока я бродила вокруг поселка, меня сводили с ума льнувшая к коже влажная духота и ее вечный спутник – запах гниющих роз. Вблизи спящих домов я старалась вести себя тихо, шепотом чертыхалась, цепляясь в темноте за колючие кусты, в пол голоса звала Лео, и была страшно перепугана, когда передо мной возникла, как мне показалось, огромная фигура человека. Я едва сдержала свой крик – это был Сергей. Почему-то тоже шепотом он меня спросил, почему я лазаю по кустам вокруг домов. Оказывается, я не заметила, как только что миновала двор, в котором снимала углы их компания. Глупо было скрывать, что я ищу Лео. Он просто кивнул и предложил мне пройти по поселку, а сам хотел продолжить мой маршрут по большому кругу. Чтобы не подозревать его в недобросовестности, я не согласилась и продолжила свой путь, а он пошел в поселок.

Когда я вышла на пляж, уже светало, и небо стало прозрачней еще темного моря. Адреналин, взбодривший меня во время кошмарного недавнего пробуждения, уже улетучился, и я чувствовала себя еще более разбитой, чем после вечеринки.

Мы с Сергеем договорились встретиться недалеко от мо-

его дома, путь предстоял неблизкий, да еще по песку. Я прошла всего пару шагов, когда увидела впереди, метрах в десяти что-то большое и темное. Я бросилась вперед, крикнув хриплым надломившимся голосом:

– Лео.

На границе песка и неспешно подходящих мелких волн я уже довольно ясно видела лежащее тело. Я бежала, увязая в песке, чувствуя жалость и раскаяние. Все еще густые предутренние сумерки не позволяли видеть четко. Я упала рядом на колени, склонилась, и... тут же повалилась на бок, пытаюсь неловко отползти. Кажется, я закричала, но крик не покинул сведенного ужасом горла.

Ко мне поднялось человеческое лицо.

Собственно, я была смертельно напугана постольку, поскольку ожидала увидеть Лео, а не какого-то неизвестного, чье лицо светлым смутным пятном было так близко, что уже в следующее мгновение оно перестало быть лицом страшного незнакомца.

Это был тот, кого я все еще любила, тот, чью страсть делила прошедшей ночью в своем проклятом сладком сне.

– Ты... – Это все что я смогла сказать. Он не показался мне больным или нетрезвым, может быть, усталым. Я подползла поближе, всматриваясь в его лицо. Сон будто продолжился. Здравый рассудок требовал, чтобы я немедленно оставила его и бежала прочь, но сила притяжения продолжала жить и здравствовать и не позволяла мне даже отодви-

нуться. Я ловила его взгляд, его дыхание, и рассудок покрывала пелена. Наши лица разделяла пара сантиметров. Еле слышным голосом я спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Решил освежиться... – Он глумливо усмехнулся. Наши глаза встретились, и за его улыбкой я уловила скрытую боль.

Вдруг он стремительно обхватил меня за плечи и впился в губы поцелуем так жадно, как жаждущий в пустыне припадает к воде, не боясь расплескать, не помня себя. Это было как раньше, так, как будто никогда и не кончалось, мне было тепло и уютно, и сладко в его объятиях. Его стон или, может быть, мой вернул меня из глубин забвения.

Я вырвалась, откатилась, стараясь не смотреть на него, поднялась и побежала. Сначала чуть не упала, запутавшись в подоле платья, но удержалась на ногах, подхватила юбку и помчалась, словно за мной гнался голодный тигр.

Бег избавил меня от зародившейся надежды на чудо – возможность все вернуть. Я не особенно сильный бегун. Кровь шумела в ушах, застилала глаза красной пеленой. Я упала на песок и затихла, пытаясь отдышаться.

"Я не могла, не смела даже надеяться..."

Я, оскверненная родной собакой... нет, это не главное, ведь я этого не хотела... И, пусть, ничего не случилось бы сегодня... Я не смогу поверить когда-нибудь, что нужна ему, что он не может без меня жить, дышать, что он не уйдет, не оставит меня, не отдаст свое сердце другой, не предаст меня

и своего ребенка вновь..."

Мои мысли скакали как камешек по волнам, пока я не отдышалась.

И тут вдруг стало светло. Я подняла голову и увидела, что невидимое из-за полосы леса солнце поднялось над далекими горами, залило ярким светом верхушки деревьев, отделяющих пляж от шоссе. На песке у воды было еще сумрачно и прохладно. Вдруг с гор к морю повеяло ветром, как будто солнце гнало его впереди себя.

Я встала, вытряхнула песок из спутанных волос, смахнула песчинки с лица, почистила платье. Откинула волосы на спину и подставила лицо ветру, а он, действительно, набирал силу, гонимый солнцем. Широко развела руки, и ветер затрепал мое бесформенное из легкой ткани белое платье, потом наполнил и раздул его как парус, подхватил длинные завитки моих локонов. Я закрыла глаза и очень скоро, мне стало казаться, что я лечу, что ветер несет меня как листок. Мои босые ноги перестали ощущать песок. Чувство полной свободы и очищения, омовения ветром захватило меня.

Я услышала шорох песка и раскрыла глаза. Их пришлось сразу же прикрыть, потому что лучик солнца нашел ко мне дорогу между верхушками деревьев. Сквозь ресницы я увидела Сергея, он стоял в нескольких шагах от меня. У него было такое выражение лица, словно ему удалось прикоснуться к восторгу, который подарил мне ветер. Он сделал шаг ко мне и нерешительно протянул руку.

– Ты... Я не знаю, как сказать... если я прикоснусь к тебе, ты исчезнешь.

Волшебство пропало – я увидела его взгляд, говорящий иное, чем слова, горящий желанием и нетерпением. Было так жаль, опуская руки, стряхивать с трепещущей ткани платья ветер. Как птица складывает крылья, я обняла руками свои плечи. Полет закончился так прозаично. Я открыла глаза настолько широко, насколько позволял бьющий в лицо луч солнца, и с неприязнью посмотрела Сергею в лицо, думая про себя: "Весь мир сошел с ума? Или я сама виновата? Блудница. За несколько последних часов я побывала под своей собакой, в объятиях ушедшей любви и, вот, передо мной стоит еще один жаждущий. Я ведь ничего не хочу. Когда же это кончится?"

– Я должен проверить. – Он сделал последний шаг, разделявший нас. Подхватил меня за талию и крепко прижал к себе.

Его порыв не был для меня неожиданностью, но я все еще не чувствовала своих ног, и не смогла сделать ни шагу. Мои сплетенные руки были прижаты к его груди, я повисла, плененная, между небом и землей. Все, что я могла сделать это запрокинуть голову, спасая свои губы от его губ. Весьма условное препятствие. Он жадно клеймил губами все, до чего мог дотянуться – мои руки, плечи, шею, подбородок. И сжимал меня в объятиях все сильнее и сильнее. Я знала – сопротивляться бесполезно, звать на помощь – смешно. Кого

удивишь на юге пикантной ситуацией насилия, разве что попадешь из огня да в полымя. Когда дышать было уже почти невозможно, я крикнула: "Прекрати, ты задушишь меня".

Честно говоря, я сразу же пожалела о своих словах, можно было предположить, что он так и поступит. Но Сергей со стоном перевел дыхание и ослабил хватку, убрал руки с талии, обхватив ладонями мои ягодицы. Теперь мои руки были свободны, и я могла упереться ему в плечи, вернее цепляться за него, потому что я по-прежнему висела, не касаясь ногами земли.

Я поерзала, пытаюсь выскользнуть ужом. Ничего не вышло, он еще плотнее подхватил мой зад, пальцами почти проникая в лоно, от моего сокровенного места его отделяла только ткань платья и трусиков. Я дернулась, испугавшись столь интимного прикосновения.

– Не шевелись! – Вдруг простонал-прохрипел Сергей. – И издал мучительный стон – стон раненого.

Я не смотрела ему в лицо с того момента, как он подхватил меня. Теперь я подняла глаза. Его взгляд из-под ресниц был невидящим, опрокинутым в себя, на лице боролись отражения экстаза и муки. Я замерла.

Его бугрившийся пах вжимался меж моих тесно сомкнутых ног. Мы замерли.

Наконец взгляд его стал осмысленным. Я позавидовала ему, упоение, плавающее в глубине глаз, зачаровало меня. Он медленно приблизил свое лицо. Я не стала уклоняться,

встретила его губы с покорностью, и почувствовала взрыв всем телом, а его крик блаженства поймала губами. Я казалась себе былинкой на склоне вулкана. Я сторала в его пламени. Я была почти живой.

Он поставил меня на песок. Я поняла, что не могу рассчитывать на исцеление. Пока он держал меня в объятиях, я почти ожила, едва он освободил меня, все снова стало безразлично. Он не может держать меня в кольце своих рук непрерывно, ему нужно жить.

– Соня, это было как удар молнии. Прости меня. Я не владею собой.

– Отпусти меня.

– Не могу.

– Иди, тебе пора, у тебя скоро поезд.

– Не могу. – Он сел на песок, обхватив меня, и заплакал. Я затихла, решив переждать, я не могла его утешить. Через некоторое время ситуация показалась мне ужасно нелепой. Сажу на песке, а безразличный мне мужчина плачет, уткнувшись в мои волосы.

– Сергей, мне нужно идти, я не нашла Лео.

Сергей вздрогнул как от удара, его лицо сморщилось, будто от боли, губы побелели, в глазах забурилась ярость. Мгновенно я была опрокинута на песок, он зловеще медленно придвинулся ко мне, навис надо мной. Если бы взгляд мог убивать... Я, наконец, поняла, что имеют в виду, когда так говорят. Его рука поползла по моему боку от колена вверх,

сминая и собирая платье, и сомкнулась на моей груди, до боли. Мне было больно.

Я приготовилась к худшему и закрыла глаза. От страха меня поташнивало, я попыталась глубоко вздохнуть, но не получалось, Сергей навалился всей тяжестью. И тут, словно пронесся ураган.

Этот ураган смел прочь Сергея. Засыпал меня песком. Садануло чем-то по коленке.

Я счищала уже в который раз песок с лица, стараясь, чтобы он не попал в глаза. И, наконец, увидела.

Над распластанным на земле Сергеем стоял Лео, злобно щерясь, рыча и роняя слюну, угрожая горлу клыками.

Я медленно отползла подальше и перевела дух. Теперь нужно было освободить Сергея от Лео, я никогда не видела пса в таком разъяренном состоянии, и не предполагала, что такое может быть.

– Лео, я тебя искала, – дрожащим голосом, довольно глупо чувствуя себя, произнесла я. – Оставь его, он меня уже не тронет, Лео, прошу тебя. – Мне показалось, что это звучит неубедительно. Я не знала, как быть. – Господи, что же это делается? Что за жизнь собачья? – И я тихонько заплакала, меня доконали события этой ночи, я больше не могла сдерживаться.

Я не стала опускать головы. Сквозь слезы смотрела на двух самцов, которые в эту ночь, так или иначе, поимели меня. Не было даже обиды. Только отчаяние, что я не способна

по-человечески управлять своей жизнью, что со мной случаются такие дикие истории.

Искаженные слезами фигуры человека и собаки разъединились, Сергей приподнялся и отполз в сторону, а Лео подошел ко мне. Они оба смотрели на меня.

– Что уставились? – Я заревела в голос, и стало как будто легче. Слезы пошли на убыль. Лео лизнул меня в мокрую щеку. Сергей поднялся и понуро стоял рядом. Лицо его было мрачно.

– Соня, прости, не знаю, что на меня нашло. Никогда в жизни не был таким дикарем. Я еще увижу тебя?

– Уходи, – я махнула куда-то рукой, – сейчас уходи. Я ничего не знаю.

Я не смотрела, как он уходит. Я была почти благодарна ему. После того, что случилось у меня с Сергеем, ночной кошмар уже казался менее реальным. Глядя Лео в глаза, с сумасшедшей убежденностью я сказала:

– Ничего не было!

В том, что я ошибалась, я могла бы убедиться через пару недель, когда не пришли месячные. Но я даже не заметила, как уже забывшийся, затушеванный сознанием кошмар продолжился.

Сначала я решила, что задержка связана с переменой климата, потом все же пошла к врачу, и врач пробудила во мне беспечность, тоже сославшись на перемену климата. Тем более, что на вопрос, имела ли интимную близость, я не могла ответить правдиво, потому ответила отрицательно. Мелькнула, однако, утешительная мысль, что так не бывает.

Потом, еще через пару недель, я получила свои месячные, правда весьма скудные. Еще через месяц опять не пролилось, но это было уже так привычно, что я почти не обратила внимания.

Эта чехарда "было-не было" оставалась без внимания до тех пор, пока я не поняла, что мое чрево живет собственной жизнью, и просто на бурчание в животе это уже не походит. Что-то мягким гладким движением перекатывалось, поглаживая меня изнутри, то щекотно выпирало чем-то остреньким, а иногда вовсе не щекотно поддавало то в печень, то в желудок.

От ужаса у меня зашевелились волосы на макушке. Я пристально и недоверчиво посмотрела на Лео, с которым мы

вполне мирно жили, вернувшись с юга, и пошла по врачам. Естественно, я никому не могла объяснить, что на самом деле меня беспокоит, иначе меня просто определили бы в психушку. Я мотивировала свою тревогу тем, что боюсь тяжелого наследственного заболевания. Поскольку никто не вскрикивал удивленно и не всплескивал руками, когда я получала результат генного анализа, спросить, нормальный ли для человека набор хромосом имеет плод, не решилась.

Все во мне кричало. Одна половина моей души – рвала и метала, не находя объект, на который можно было бы выплеснуть эту ярость. И я понимала, что если позволю себе окунуться в неистовство, то рано или поздно обнаружу, отлетая на небеса, свое распростертое изломанное тело у подножия какой-нибудь многоэтажки. Поэтому, не пускаясь во внутренний диалог, присоединилась ко второй половине, которая словно каменная бесстрастно наблюдала за всем происходящим.

За время моих скитаний по врачам наши с Лео отношения совсем испортились. Если быть предельно честной, то это у меня совершенно испортился характер. Я стала необщительна и нелюдима. Мое общение с Лео свелось к минимуму – я его кормила. В остальном он перешел на самообеспечение. Если бы с ним в ту пору что-то случилось, я бы пальцем не пошевелила. С людьми я тоже почти перестала общаться.

И почти все мои друзья оставили меня в покое, а тем, что не оставили, приходилось не сладко.

Как ни странно, желание отторгнуть все и вся я не перенесла на росшего во мне ребенка. Скорее, я объединилась с ним против всего мира. Весь мир был пустыней, и в нем были только мы двое.

На автомате я доходила на работу до декретного отпуска, через полтора месяца в конце июня я должна была рожать.

Безделье меня не тяготило так же, как и одиночество. Я каждый день с наслаждением и упорством сумасшедшей чистила перышки, ела полезную еду, кроме того, потакала нелепым вкусам беременности, росла пузом и полнела. Совершала прогулки два раза в день в любую погоду после полудня и вечером. Во время прогулок, присев на скамейку, выкуривала две положенные в день сигареты, так как бросить совсем не смогла. Просыпалась и спать ложилась рано, что было мне абсолютно не свойственно. Я даже читать не могла. Перипетии неизвестно кого меня совершенно не интересовали. Мне это было странно, при моем-то наркотическом пристрастии к чтению, но тоже не взволновало.

Лео всегда тенью таскался за мной на прогулки. Охранял. И однажды вечером, когда ко мне прицепился какой-то пьяненький любитель беременных, так на него напустился, что бедняга едва унес ноги. Я смотрела на служивого Лео тяжело и молча довольно долго, а потом тихо с ненавистью сказала: – Кому я нужна? И ты мне не нужен, не ходи за мной. – И прокричала опустившему морду псу. – Ты мне не нужен. Ты мне не нужен...

И кричала до тех пор, пока в квартире, под окнами которой я голосила, не зажегся свет. Лео отвернулся и ушел в темноту. Он так и не вернулся в ту ночь.

На следующий день после полудня я вышла на прогулку. И на Алабяна возле "Диеты" нос к носу столкнулась с тем, о ком последнее время даже не вспоминала.

Я не придумала ничего лучшего, опять спросила:

– Что ты здесь делаешь? – А про себя добавила: "Любимый". И это была правда. Я поняла, что по-прежнему люблю его. Это был прорыв чувств впервые за последние несколько месяцев.

Он был помят, небрит, со включенными волосами.

– Сонька. Брюхатая. – Произнес нежно и погладил сквозь платье мой живот. – Пьянствовал вчера здесь рядом, только что проснулся, за пивком вышел. – Он ухмыльнулся мне в лицо.

Я развернулась и, не оглядываясь, прошествовала в свой двор. Мне было безразлично, идет ли он следом. Мне нечего было ему сказать.

Лео вернулся к вечеру.

В последнюю неделю июня ко мне приехала Лика. Сказала, что взяла на работе накопившиеся отгулы за прогулы, и, полностью игнорируя мою нелюдимость, занялась подготовкой к моим родам.

Родила я легко, мы едва успели доехать до роддома. Я с благодарностью смотрела на малышку, смешно кривящую ротик в поисках моей груди.

Она была совершенно человеческая. Я же стала посмешищем родильного отделения, потребовав, едва ребенок покинул мое чрево, чтобы посмотрели, нет ли у него хвоста. Мне со смехом ответили, что хвоста нет, поскольку это девочка. И рассказывалась эта история до самой моей выписки.

Встречать меня из роддома приехали и пришли большой компанией. Малышка родилась и прорвала пузырь моего отчуждения от мира. Я растерянно улыбалась моим, возникшим из ниоткуда, друзьям и родителям. В стороне стоял Лео. На солнце, – а день был солнечный, – набежало облачко, но Галина Борисовна попыталась вручить мне очередной букет, и я забыла об этой тени.

Потом компания рассосалась. Оставшиеся сели в две машины, и меня привезли домой.

Вокруг нас суетились еще пару часов. Потом я всех расцеловала, сказала спасибо и пожелала остаться с малышкой

одна. Лица была последней, я выпила с ней еще чаю, баюкая малышку на руках, проводила до двери, убедила еще раз, что справлюсь, а не справлюсь – позвоню. За ней закрылась дверь.

Я включила негромкую музыкачку, распеленала малышку и, в который раз, принялась ее разглядывать. Я все еще не могла поверить, что это – человеческий детеныш.

Я уже начала думать, что, может быть, это был не Лео. Прокрался Сергей?

Но Сергей огромный мужик, как я могла даже в том бреду спутать его с Лео. И куда смотрел Лео? Где был Лео в это время? Молча вышел прогуляться?

Сил строить версии не было.

Малышка оказалась спокойным ребенком. Уже поздно вечером, искупавшись сама, и выкупав девочку, покормила ее, придвинула кроватку к своей постели, уложила Малышку, я начала называть ее так, с большой буквы, и почти мгновенно заснула.

* * *

Детское хныканье я услышала сразу, открыла глаза, и тут же их закрыла снова, не веря себе – над кроваткой в круге света от ночника стоял Лео и держал Малышку на руках!!!

Не подумайте, что я спятила окончательно. Лео – не пес, а мой любимый. Вернее, мой любимый Ленька. А Лео не было

уже почти три недели.

Я взирала на эту картину с изумлением и ужасом, закусив костяшки пальцев, чтобы не испугать Малышку своим криком. Он был все в той же одежде, что я видела его в последний... и в предпоследний раз: мой любимый темный свитер с рисунком-косой по левой половине груди, черные джинсы. Усталый, небритый. Улыбнулся мне медленной нежной улыбкой, подал Малышку и тихо произнес:

– Сонька, глупая, не пугайся, а то у тебя молоко пропадет. – Увидев слезы у меня в глазах, насмешливо добавил. – И не вздумай плакать, опять же молоко будет невкусное.

Я кормила малышку, не поднимая глаз. Казалось, вот, сейчас взгляну, а его нет, и не было. Но я слышала его передвижения по квартире. Шум воды в ванной. Позвякивание ложечки о джезву в кухне. Так было, когда он жил здесь со мной некоторое время, пока не снял квартиру на Динамо. Лучше не вспоминать. Я отвлеклась от горьких мыслей и прислушалась к требовательным губкам дочери. Она уже доела, временами пытаюсь заснуть. Теперь перепеленать, и в кроватку. Поцеловать атласную, теплую щечку. Все, спи, детка.

Ленька сидел на своем месте над чашкой кофе и смотрел, как я вхожу в кухню.

– Что ты здесь делаешь? – Я не могла удержаться от ставшего традиционным вопроса.

Он похлопал ладонью по дивану рядом с собой, пододви-

нул чашку чая с молоком. Я послушно села, нестерпимо хотелось прикоснуться к нему, но я взяла в ладони уже не горячую чашку. Повисло молчание.

– Я хочу остаться. С тобой и Малышкой – Я ждала этого, так ждала, но оказалась не готова. Украдкой глянула на него, но он поймал меня темным взглядом. Я знаю, его глаза бархатно карие, но иногда они могут быть как черные бездонные омуты, и они сейчас меня притягивали и затягивали.

Я снова опустила глаза в чашку, мне удалось вырваться. Я мысленно заметалась – не хочу объясняться, не хочу упрекать, не хочу ставить условия, но как снова поверить – еще раз все заново не переживу.

За прошедшие три недели я всего пару раз вспоминала Лео, поверхностно как факт, размышления о нем закрывала как книгу, а тут вдруг неожиданно произнесла:

– Ты не уживешься с Лео. – И удивилась: "с чего вдруг"?

– Лео больше не будет.

– Не будет. – Тупо повторила я. И встрепенулась. – Почему? – Я уже почти знала, что он ответит, но все равно его ответ потряс меня.

– Очень хочется быть человеком.

Я всхлипнула.

– Как?.. – Слезы заструились по моим щекам.

– Как, я не знаю. Тебе Галина Борисовна расскажет.

– Можешь уйти. Я ей позвоню, мне так не надо. – Я уже не владела собой, рыдания сотрясали меня. Ведь я чувство-

вала, что ни о чем спрашивать нельзя. Я сожалела о своих колебаниях минуту назад.

Ленька притянул меня к себе и в самое ухо прошептал:

– Я сам пришел, глупая, я мог не приходить. Я должен был обрюхатить тебя, быть изгнанным, отвергнутым и забытым. Я должен был отдать тебе год. Я все выполнил, и теперь свободен.

– Не понимаю, – некрасиво проревела я.

– Я тебя обрюхатил, – он хихикнул и поцеловал за ухом, – раз. Тебе хорошо было, милая, я знаю.

– Как ты мог знать, что обрюхатил? – Его поцелуи легкие и жгучие погружали меня в бездумную эйфорию, и я уже с трудом понимала, что он говорит.

– Но ведь я был собакой! – Хмыкнул он и поцеловал ямку у ключицы. – Ты меня прогнала – два. Я тогда готов был загрызть этого охмурялу, за то, что немного опоздал.

– Ты не опоздал.

– Мне виднее. Вот с любителем беременных я разобрался вовремя. Ты отвергла меня – три. – Он припал к нежной коже на горле. – Прости, милая, я тебя пометил. – Я знала, что он сделал это нарочно, чтобы завтра напомнить. – Забыла у роддома – четыре. Сегодня – ровно год – это пять.

Я снова заплакала, прижимая его голову к груди.

– Прости, любимая, я напоминаю себе, не тебе.

– Мне нет прощения.

– Нет. Я был, конечно, в шоке, став собакой, но... Став

собакой, я понял, что мне нравится, как ты пахнешь, – ондохнул мне в ухо, – мне нравится твой вкус, – он щекотнолизнул уголок губ. – Я понял, что мне нужна твоя любовь. Я просто боялся, Бог его знает, почему. Я, даже не будучи собакой, видел, что ты отдаешь себя всю, а я не мог, и мне было стыдно. Я люблю тебя. Сонька, милая, не прогоняй меня. Прости. Я жить без тебя не смогу. Перестань плакать. Дай мне попробовать, не скисло ли у тебя молоко.

Полы халатика распались, и он пробовал меня до утра, пока не проснулась Малышка.

* * *

Малышку мы назвали Анастасией.

Примерно через неделю после свадьбы, вдруг, позвонил Сергей.

– Здравствуй, Соня. Как ты?

– У меня все хорошо. Как ты? – Я была очень вежлива. Я не сердилась на него, – почти не за что, – но и сочувствия не было.

– Я ждал год. – Он, конечно, не мог видеть, но я закатила глаза, – "Боже, какой символический срок, и этот туда же". – Как поживает партнер?

– Партнер поживает хорошо. Неделю назад я вышла за него замуж, а нашей дочке уже три месяца.

Он молчал, вероятно, ждал окончания шутки, а, может

быть, размышлял, по ком плачет психушка.

Я в задумчивости положила трубку.

Подошел Ленька, нежно куснул за мочку уха и спросил:

– Может быть, охмуряла просто упал в обморок, ты не слышала?

Обняв любимого, я хихикнула:

– У тебя сохранился собачий нюх?

Мы уже могли шутить на эту тему.

– Нет, у меня сохранилось собачье чутье.

P.S.

Здравствуй, Руслан.

Сначала о Рушди. Зря обижаешься, у тебя, наверное, не хватило времени обдумать этот тезис. :

–)))

Главная причина участи Рушди в том, что он уделал не христианство, а ислам. Всепрощающие христиане на художественные аллюзии в рамках христианства не обижаются, кстати, иудеи тоже. Есть такой фрукт – Песах Амнуэль, он всю использует библейские сюжеты, и ничего, его до сих пор никто не преследует. И, в конце концов, мне не удалось найти Лику Сатаны, но я читала Прощальный вздох мавра, и, надо сказать, твои вещи сейчас мне читать интереснее. Дело в том, что события, описанные им, мне совершенно чужды, кроме того, Борхес, Эко, Маркес, Картасар, мне кажется, в подобном жанре выступили куда более достойно, их шизофрения для меня значительно привлекательнее.:

–) Вот.

В том, что касается Собаки, то у девушки крыша поехала после того, как любимый оставил ее. Заявляю вполне авторитетно.:

–))))))))) В той части, что касается меня. А, например, моя подружка, в свое время, в такой же ситуации, еще будучи беременной не вылезала из психушек, потом родила в пси-

хическом отделении для беременных в 1-й Градской. Было еще потом, потом и потом. А в эпилоге... Она была на 5 лет младше меня, так получилось, что в критический момент рядом с ней оказалась подруга ее возраста (21). Моя девушка сначала вышла на крышу, но испугалась, вернулась домой и наелась таблеток, а когда опять испугалась, Скорая уже не успела приехать. :

–((((((До сих пор ругаю себя. Нужно было сразу удочерить ее детку, я тогда была замужем, мне бы позволили. Тем более, я была знакома со всеми ее психиатрами и прочими ответственными лицами, а девушку представить психиатрам, а не отмазывать от них. Я сильно заблуждалась на тот счет, что ребенок ее введет в ум. :

–(((Мой друг, о котором написана эта история, вполне с юмором относится к моей писанине. Он, когда встречает меня теперь, нацеловывает мне ручки и говорит:

– Сонька, милая, ты одна меня любишь из всех моих женщин, обижаются на меня за что-то, а я ведь так хорошо к ним отношусь. Ради тебя я и собакой готов стать, но уж очень я блох не люблю. :

–))))

А пишу я, должно быть не хорошо, если тебе не удалось посмотреть кино. :

–(((

Спасибо, что не ругал. :

–) Так как, когда ко мне приходят истории, то вообще не

словами, но и не цветом, просто я вижу это как кино. Кстати, когда читаю, тоже кино смотрю. И облекать в слова то, что я вижу и при этом чувствую, несколько затруднительно. Во-первых, у меня язык беднее, чем образы, во-вторых, я просто не успеваю записывать, а потом что-то ускользает, а иногда и записывать нет времени.

Твой роман, (Хирург и она), я начну читать только сегодня.

Дело в том, что вчера, 24-го, мы отправляли контейнер, а в ночь перед этим почти не спали. Потому вчера я почти не читала. Монитор, взяла на прокат, а установила только сегодня под вечер, мой монитор уехал в контейнере.

Все, письмо заканчиваю. Перехожу к чтению. :

—)))

Как твой отец?

Всего доброго

Соня.